

УДК 82-14

А. А. Сёмина

**РЕЗОНАНС ТРАГИЧЕСКОГО ЗВУЧАНИЯ:
ПОЭЗИЯ ГЕОРГИЯ ИВАНОВА В РЕЦЕПЦИИ БОРИСА РЫЖЕГО**

Рассматриваются характерные особенности поэзии Б. Рыжего, позволяющие говорить о влиянии на его поэтику творчества Г. Иванова. Раскрываются причины общности экзистенциалистского мироощущения поэтов, которое было предопределено биографическими и социокультурными факторами. Переосмысляя ключевые мотивы и образы поэзии Г. Иванова, Б. Рыжий обогащает их коннотациями советского и постсоветского времени, благодаря чему «ивановские» трагические интонации в его лирике обретают новое звучание, выражая опыт человека конца XX столетия.

The author analyses the specific features of B. Ryzhy's poetry, showing that G. Ivanov's works influenced his poetic manner. The author reveals the reasons of commonality of their existentialistic worldview, which was predetermined by some biographic and sociocultural factors. Reinterpreting G. Ivanov's key motifs and imagery, B. Ryzhy enriches his lyrics by bringing in Soviet and post-Soviet connotations. G. Ivanov's tragic intonation gains a new sound expressing the experience of man living in the 20th century.

Ключевые слова: Г. Иванов, Б. Рыжий, рецепция, влияние, преемственность.

Key words: G. Ivanov, B. Ryzhy, reception, influence, continuity.

В последние годы поэзии Б. Рыжего уделяется все больше внимания, однако «присутствие» в ней Г. Иванова остается практически не исследованным. Существуют отдельные свидетельства, подтверждающие знакомство Рыжего с поэзией Г. Иванова [8; 20]. С точки зрения литературоведческого анализа эстафеты «Иванов — Рыжий» коснулся А. Ю. Арьев, попутно рассмотрев влияние Блока на них обоих [2]. Представляется все же, что влияние Г. Иванова на Б. Рыжего было более глубинным и нуждается во всестороннем изучении.

В поэтическом наследии Серебряного века именно опыт Г. Иванова стал для Рыжего определяющим: «В стране гуманных контролеров / я жил — печальный безбилетник. / И, никого не покидая, / стихи Иванова любил» [15, с. 21]; «Вот и всё, я побуду один, / Александр, Иннокентий, Георгий» [12]. Г. Иванову посвящены два стихотворения Рыжего с названиями «Иванов» — но с разными ударениями. Игра с ударением выступает проявлением иронии Рыжего, которому свойственно пародийное осмысление «канонизированных» фигур, жанров и произведений русской поэзии (см. «Подражание Лермонтову», «Почти элегия», «Маленькие трагедии» и др.). Тот факт, что Иванов становится объектом иронии Рыжего, свидетельствует о признании его особой значимости для поэта. Именно игра с ударением в фамилии Иванова выдает в Рыжем внима-

тельного читателя и почитателя: в цикле «Rayon de rayonne» присутствуют подобные примеры самоиронии Г. Иванова: «В сияньи брюки Иванова / Летят – и вечность впереди...» [6, с. 355]; «Вдруг – ни похода ледяного, / Ни капитана Иванова, / Ну абсолютно ничего!» [6, с. 356].

«Присутствует» Г. Иванов и в стихотворении «Пойдемте, друг, вдоль улицы пустой...», где Рыжий воссоздает диалог лирического героя с Г. Ивановым, которого в финале герой называет «своим богом»:

... – Так грустно, друг, так жутко, так буквально.

А вы? Чего от жизни ждёте вы?

– Печаль, мой друг, прекрасное – печально.

<...>

– Что знает он? Что этот мир жесток?

Что страшен? Что мертвы в витринах розы?

– Что счастье есть, но вам его, мой бог,

холодные – увы – затмили слёзы [15, с. 15].

Посвящение Г. Иванову «зашифровано» Б. Рыжим в цитатах его стихотворений и отсылках к сборникам. Так, строка, представляющая собой воображаемую реплику Иванова «Так грустно, друг, так жутко, так буквально...», восходит к стихотворению «Грустно, друг. Все слаще, все нежнее...» [6, с. 285] из сборника «Розы» (1931), название которого также обыгрывается («Что мертвы в витринах розы?»). Финал «Что счастье есть, но вам его, мой бог, / холодные – увы – затмили слёзы» является «ответом» Рыжего на другое стихотворение Г. Иванова, где герой констатирует: «Счастья нет, мой бедный друг» [6, с. 282].

Гораздо отчетливее данное «родство» проступает между строк Рыжего – в текстовых, мотивных, образных параллелях, интонационном строе лирики, мироощущении лирического героя. Как отмечает Е. А. Козицкая, «цитатой может быть практически любой элемент поэтической структуры (слово или группа слов, стихотворный размер, заглавие, фонемный ряд и т. д.), который в данной ситуации осознается как принадлежащий одновременно и авторскому тексту... и прежнему, “чужому”, не-авторскому тексту...» [9, с. 51].

По словам Н. В. Семеновой, мотивная цитата в тексте обычно не маркируется, и это «открывает широкое поле для гипотетических построений» [17, с. 154]. В связи с этим было бы справедливо возразить, что многие мотивные параллели Г. Иванова и Б. Рыжего присутствуют и в творчестве ряда других поэтов. Вместе с тем представляется важным принять во внимание совокупность этих параллелей, которая в поэзии Рыжего составляет узнаваемый ивановский «код». Сочетание цитат мотивных доминант лирики Г. Иванова в контексте его же лексических цитат в стихах Рыжего позволяет говорить о преемственности, закономерном взаимодействии поэтических «генов».

Центральной в поэзии Г. Иванова и Б. Рыжего становится тема смерти. Для Иванова подобные размышления были во многом обусловлены трагедией разрыва с Родиной. По словам исследователей,

«поглощенность темой смерти у Рыжего тотальная: и ранние, и поздние стихотворения насыщены танатологической тематикой и образностью в равной мере» [11, с. 142]. Общей для поэтов становится рефлексия о будущей смерти в образе конечного пункта некоего расстояния:

...лет десять сряду шел за мною
огромный урка с топором.
<...>

И что ни миг, чем расстоянье
короче между ним и мной,
тем над моею головой
очаровательней сиянье [3].

73

В приведенном фрагменте Рыжий обыгрывает стихотворение Г. Иванова, где танатологическая тема также осмысливается в категориях пространственно-временного континуума:

Только расстоянье стало у□же
Между вечной музыкой и мной.

Жду, когда исчезнет расстоянье,
Жду, когда исчезнут все слова
И душа провалится в сиянье
Катастрофы или торжества [6, с. 456].

Хотя в тексте Г. Иванова смерть представляет музыка, а у Рыжего ее олицетворяет «огромный урка с топором», стихотворения роднит общий принцип осмысления срока отмеренной герою жизни как расстояния, преодолев которое, он остается один на один с «сиянием» смерти. Рифма «расстоянье — сиянье», по-видимому, также воспринята Рыжим из стихотворения Иванова.

Объединяет творчество поэтов и обращение к образу звезды. И у Г. Иванова, и у Б. Рыжего звезда становится символом трагизма существования человека, его космического одиночества («От синих звезд, которым дела нет / До глаз, на них глядящих с упованием...» [6, с. 292]; «Свет холодный звезда / проливала вдали...» [13]; «Февраль, на небе звёзды, как чужие...» [14]). Звезда может предвещать герою смерть («горит / Между черных лип звезда большая / И о смерти говорит» [6, с. 285]; «Звезда выкликает звезду, / И мне — а не ей — обещает беду» [6, с. 568]; «И самолёты, долетев до звёзд, / сгорают в них» [15, с. 58]). У Рыжего данный образ «обрастает» также коннотациями советской эпохи — как, например, в стихотворении «Соцреализм», где герой воспроизводит собственные детские ощущения по дороге в школу:

Всё, что я понял, я понял тогда —
нет никого, ничего, никогда.

Где бы я ни был — на чёрном ветру
в чёрном снегу — упаду и умру.

Будет завод надо мною гудеть.
Будет звезда надо мною гореть.

Ржавая, в чёрных прожилках, звезда.
И — никого. Ничего. Никогда [14].

Проступает между этих строк стихотворение Г. Иванова «Хорошо, что нет Царя...»:

...Хорошо — что никого,
Хорошо — что ничего,
Так черно и так мертво,
Что мертвее быть не может
И чернее не бывать,

Что никто нам не поможет
И не надо помогать [6, с. 276].

Впоследствии Рыжий переосмыслит образ звезды из приведенного выше фрагмента:

...И понял я, что не одна мерцала
звезда, а две... [15, с. 137]

На то, что процитированное стихотворение Г. Иванова «отвечает» «Соцреализму», может указывать первая строка, начинающаяся с многоочия, словно продолжая давний разговор. «Мгла» над головой героя коррелирует с настроением «Соцреализма» (*«на чёрном ветру / в чёрном снегу — упаду и умру»*). Манера отвечать на собственные стихи, возможно, также была воспринята Рыжим у Иванова, поэзия которого — «это не прерываемый ни на минуту диалог» [5, с. 251]. Как отмечает И. В. Фоменко, «цитируя свои собственные стихи, поэт вступает в диалог с самим собой, воспринимает собственное творчество как бы со стороны» [21, с. 502]. Посредством подобного диалога в цикле «Посмертный дневник» Г. Иванов переосмысляет прежние представления о самоубийстве:

На барабане б мне прогреметь —
Само-убийство.
 О, если б посметь!
<...>
— Страшно?.. А ты говорил — развлечение.
Видишь, дружок, как меняется мнение [6, с. 564].

Приведенный текст «отвечает» стихотворению из более раннего цикла «Портрет без сходства»: *«Конечно, есть и развлеченья: / Страх бедности, любви мученья, / Искусства сладкий леденец, / Самоубийство, наконец»* [6, с. 329]. Мотив самоубийства в поэзии Рыжего также возникает не однажды — в том числе и в ироничном, «ивановском» ракурсе: «Само-

убийство – в восемнадцать лет / ёще нормально, в двадцать два – / вульгарно...» [13]. Преломляется в стихах Б. Рыжего и самое известное стихотворение Г. Иванова из сборника «Розы»:

Синеватое облако
(Холодок у виска)
Синеватое облако
И еще облака...

И старинная яблоня
(Может быть, подождать?)
Простодушная яблоня
Зацветает опять.

Все какое-то русское –
(Улыбнись и нажми!)
Это облако узкое,
Словно лодка с детьми,

И особенно синяя
(С первым боем часов...)
Безнадежная линия
Бесконечных лесов [6, с. 288].

«Следы» данного текста обнаружены в двух стихотворениях Рыжего: «Белые яблони. Облака / Синие. Ну, пока, / молодость, говорю, прощай...» [15, с. 331]; «...чтобы лес и река / в сентябре начинали грустить / для меня, дурака. / Чтоб летели кругом облака. / Я о чём? Да о том: / облака для меня, дурака. / А ещё, а потом, / чтобы лес золотой, голубой / блеск реки и небес. / Не прохладно проститься с собой / чтоб – в слезах, а не без» [15, с. 339].

Рефлексия лирического героя по поводу своей будущей смерти может являться и в виде «озарений» посреди размеренности повседневного существования: «...И только раз – случайно, походя – / Открыто поглядев вперед, / Услышать, как в груди шарахнулась / Душа, которая умрёт» [12]. Стихотворение Рыжего почти дословно воспроизводит строки Г. Иванова: «...Я жил, и стало грустно мне / Вдруг, неизвестно отчего. / Мне стало страшно в тишине / Биенья сердца моего» [6, с. 498].

Магистральным в поэзии обоих авторов выступает образ музыки. И дело не столько в частотности этого образа, сколько в непосредственном мироощущении: «Музыка для него (Г. Иванова. – А. С.), как и для символистов, является бесспорной идеальной первоосновой вселенной» [16, с. 13]; «Музыка была основой существования Бориса Рыжего... Музыка в его поэзии – это и лейтмотив, и концепт, и макротема» [8, с. 59]. Музыка Иванова – «проводник» между потусторонним и земным мирами, языком, на котором вечность говорит с героем: «Только расстоянье стало у□ же / Между вечной музыкой и мной...» [6, с. 456]; «Все другое – только музыка, / Отраженье, колдовство...» [6, с. 255]. Подобное представление присутствует и в стихах Рыжего: «...угадываемая мною / музы□ка некая звучит. / Гляжу туда и понимаю, / в какой надёжной пустоте / однажды буду и узнаю: / где проиграл, сфальшивил где» [15, с. 226].

Музыка Рыжего подразделяется на две категории: подлинная, «ивановская», — и музыка тоталитарного государства, использующая человека в своих целях: «Сколько песен написал нам Исаковский, / сколько жизней эти песни поломали» [15, с. 17]. Подлинная музыка в художественной системе Рыжего хрупка, незащищена: не случайно музыкантами у него выступают инвалиды («В чёрной арке под музыку инвалида...» [15, с. 17]), дети («А этот мальчик всё играет, / а эта девочка — поёт» [15, с. 68]), пьяные («Как пел пропойца под моим окном!..» [15, с. 111]). Музыка инвалида, заставляющая героя вспомнить обо всех покалеченных под нее, выявляет для него трагический ужас эпохи, сумевшей поставить искусство на службу разрушительным импульсам: «Слишком жалобно — а я как будто голый, / как во сне кошмарном, нет — как в страшном мире» [15, с. 17].

«Страшный мир» напоминает читателю о Блоке, одинаково значимом и для Иванова, и для Рыжего. «Встречи с Блоком запечатлелись в памяти Г. Иванова на всю жизнь» [10, с. 11]. Раннее стихотворение Иванова, написанное после получения письма от Блока, подтверждает это: «Всегда ношу я боль ожидания, / Всегда томлюсь, ожидая свиданья...» [6, с. 181]. Переписку с Блоком воссоздает и Рыжий. Так, стихотворение «А. Блок» начинается следующим образом: «...Дописав письмо Борису, / из окошка наблюдал...» [15, с. 136]. Хотя Блок «присутствует» в нескольких стихотворениях Рыжего, в свете опыта Г. Иванова интерес представляют те из них, которые моделируют ситуацию общения с Блоком. В стихотворении 1995 г. Блок выбирается в качестве единственного подходящего адресата телефонного звонка: «Впрочем, есть номерок, / не дозволюсь, но всё же / только один звонок: / “Я умираю тоже, / здравствуй, товарищ Блок...”» [15, с. 39].

С именем Блока А. Ю. Арьев связывает бело-синюю «палитру» художественного мира Рыжего [2]. В то же время нельзя не отметить, что данные цвета преобладают в поздней лирике Г. Иванова. По подсчетам исследователей, «синий» входит в список 25 ключевых слов поэта и является лексемой, «частотно маркирующей именно идиолект Г. Иванова» [19, с. 58]. В поэзии Иванова белый и синий символизируют идеальное, надмирное начало и тесно связаны с мотивами «мерцания», «сияния», «света». Рыжий перенимает эту традицию, осовременивая ее: «Синий свет в коридоре больничном, лунный свет за больничным окном...» [15, с. 348]. Вместе с тем хронотоп самого известного «бело-синего» стихотворения Рыжего представляет собой городское кладбище, а значит, помимо современности, обнимает также и вечность: «...Только пар, только белое в синем / над громадами каменных плит...» [15, с. 76].

Можно было бы увидеть религиозные коннотации в обращении к «небесной» цветовой палитре, однако это не так. У лирических героев Иванова и Рыжего с Богом сложные отношения. Зачастую Бог выступает в роли собеседника в диалоге. Так, одно из стихотворений Г. Иванова начинается с реплики Бога:

— Когда-нибудь, когда устанешь ты,
Устанешь до последнего предела... [6, с. 435]

В стихотворении «*Стоят сады в сияньи белоснежном...*» диалог уже не равноправен: герой предстает в роли слушателя. Его подчиненная роль соотносима с бессилием человека повлиять на продолжительность собственной жизни: «*Я слушаю его, не отвечая, / Да он, конечно, и не ждет ответа*» [6, с. 393].

Стихотворение Рыжего «*Разговор с Богом*» также представляет собой диалог, происходящий при созерцании некой фотографии:

- Господи, это я мая второго дня.
- Кто эти идиоты?
- Это мои друзья... [15, с. 353]

Последующее обращение героя к Богу осуществляется посредством сниженной лексики («*слышь меня*»). Это объясняется и спецификой лирического героя из «*лабиринта фабричных дворов*» [15, с. 109], и его обидой на Бога, причина которой обозначена в стихотворении, посвященном погибшей однокласснице Рыжего Эле [8, с. 62]. После этого обращаться к Богу можно только так: «*...где в тоне дерзком и жестоком / ты будешь много говорить о многом / со мной, я – с Богом*» [15, с. 314]. Смерть девочки осознается героем как личная обида: «*...когда начнёт креститься, / останови. /...От одиночества, от злости, от обиды / на самого, с которым будем квиты, – / не из любви*» [15, с. 354].

И у Иванова, и у Рыжего Бог представлен в духе экзистенциализма – как адресат протеста «*заброшенного*» в мир лирического героя. Стихотворение «*Все на свете пропадает даром...*» Иванов завершает призывом к Создателю уничтожить мир, поскольку его бессмысленность порождает в душе героя надлом: «*Что угодно – только кончи разом / С мукою и музыкой земли!*» [6, с. 428]. В стихотворении «*Не станет ни Европы, ни Америки...*» Бог является в образе «*Того, кто мог помочь и не помог*» во время атомного взрыва [6, с. 427].

Сближает поэтов также рефлексия о мировом уродстве. По словам С.Г. Семеновой, «*писатели-экзистенциалисты... погружались в безобразные, страшные, кричаще-трагические стороны жизни...*» [18, с. 511]. У Г. Иванова мировое уродство тесно переплетается с пошлостью – это уродство, уверенное в собственной значимости: «*Одно из свойств мирового уродства – оно представительно*» [7, с. 6]. Не только в прозе, но и в поэзии Иванова нашел отражение данный мотив: «*Рассказать обо всех мировых дураках, / Что судьбу человечества держат в руках?*» [6, с. 328]; «*Как все бесцветно, все безвкусно, / Мертво внутри, смешно извне...*» [6, с. 437].

Для Б. Рыжего мировое уродство и пошлость воплощают некоторые бытовые реалии – например, надпись на торте:

...мы погибнем не от взрыва
и осколков в животах.

В этот век дремучий, страшный
– открывать ли Вам секрет? –
мы умрем от строчки Вашей:
«Перед вами торт “Букет”...» [13]

Сила пошлости, по Рыжему, такова, что от нее можно погибнуть. Строчка на торте оказывается разрушительнее любого смертоносного оружия «страшного» века.

Завершить разговор о влиянии Г. Иванова на Б. Рыжего может одна деталь. В центоне «Стихи на стене», который Рыжий наносил на стену балкона с 1996 г. [20, с. 73], нет четверостишия Г. Иванова. Однако в «сильной» [1], заключительной позиции оказался фрагмент стихотворения С. Гандлевского: «И стоя под аптечной коброй, / Взглянуть на ликование зла / Без зла – не потому, что добрый, / А потому, что жизнь прошла» [4, с. 106]. Последняя строка представляет собой дословную цитату из стихотворения Г. Иванова: «Все тот же мир. Но скука входит / В пустое сердце, как игла, / Не потому, что жизнь проходит, / А потому, что жизнь прошла» [6, с. 502].

Данный пример призван продемонстрировать общность трагического мироощущения Г. Иванова и Б. Рыжего, соединяющего начало и конец русского поэтического XX столетия. Именно эти два поэта осмыслили собственный опыт и опыт своих современников сквозь призму экзистенциального сознания. Оба оказались в «пограничных ситуациях»: в случае Иванова подобным «водоразделом» стала революция 1917 г. и катастрофа изгнания; на глазах Рыжего распался СССР. Как настоящий поэт, Рыжий стал самосознанием своего народа, не сумевшего справиться с внезапной свободой: «они загнулись с медью в черепах / как первые солдаты перестройки» [15, с. 215]. «Все они (эмигрантские писатели. – А. С.) так или иначе прошли... через смерть себя прежних... Их выбросило в классическую экзистенциальную ситуацию...» [18, с. 507]. Современники Б. Рыжего оказались так же «заброшены» в постсоветскую действительность, «погибнув» в статусе советских граждан. Как свидетельствует поэзия Рыжего и его собственная судьба, далеко не всем удалось пережить эту метафизическую смерть и физически.

Список литературы

1. Арнольд И. В. Значение сильной позиции для интерпретации художественного текста // Иностранные языки в школе. 1987. №4. С. 6–13.
2. Арьев А. Ю. Блок, Иванов, Рыжий. О стихах Бориса Рыжего // Журнальный зал : [сайт]. URL: <http://magazines.russ.ru/zvezda/2009/9/aa12.html> (дата обращения: 20.01.2017).
3. Рыжий Б. Горный инженер // Журнальный зал : [сайт]. URL: <http://magazines.russ.ru/znamia/2000/3/righiy.html> (дата обращения: 20.01.2017).
4. Гандлевский С. М. Опыты в стихах. М., 2009.
5. Заманская В. В. Экзистенциальная традиция в русской литературе XX века. М., 2002.
6. Иванов Г. В. Собрание соч. : в 3 т. М., 1994. Т. 1.
7. Иванов Г. В. Собрание соч. : в 3 т. М., 1994. Т. 2.
8. Казарин Ю. В. Поэт Борис Рыжий. М. ; Екатеринбург, 2016.
9. Козицкая Е. А. Цитата в структуре поэтического текста : дис. ... канд. филол. наук. Тверь, 1998.
10. Крейд В. П. Петербургский период Георгия Иванова. Нью-Йорк, 1989.
11. Непомнящих Н. «Чувство смерти» в поэзии Бориса Рыжего // Б. Рыжий: поэтика и художественный мир : сб. науч. ст. и докл. М. ; Екатеринбург, 2015. С. 141–158.

12. Рыжий Б.Б. «Вот и все, я побуду один...» // Журнальный зал : [сайт]. URL: <http://magazines.russ.ru/znamia/2002/1/ryzh.html> (дата обращения: 20.01.2017).
13. Рыжий Б.Б. «Когда б душа могла простить себя...» // Журнальный зал : [сайт]. URL: <http://magazines.russ.ru/znamia/2004/1/ry.html> (дата обращения: 20.01.2017).
14. Рыжий Б.Б. Приснится воздух // Журнальный зал : [сайт]. URL: <http://magazines.russ.ru/znamia/2005/1/ry.html> (дата обращения: 20.01.2017).
15. Рыжий Б.Б. Стихи. СПб., 2016.
16. Рылова А.Е. Георгий Иванов и русский символизм : дис. ... канд. филол. наук. Шуя, 2006.
17. Семенова Н.В. Цитата в художественной прозе (на материале произведений В. Набокова) : дис. ... д-ра филол. наук. М., 2004.
18. Семенова С.Г. Русская поэзия и проза 1920–1930-х годов. М., 2001.
19. Тарасова И.А. Поэтическое слово Георгия Иванова в лексикографическом представлении // Г.В. Иванов. Материалы и исследования. М., 2011. С. 55–65.
20. Фаликов И.З. Борис Рыжий. Дивий камень. М., 2015.
21. Фоменко И.В. Цитата // Введение в литературоведение / под ред. Л.В. Чернец. М., 1999. С. 496–506.

Об авторе

Анна Андреевна Семина — асп., Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова.

E-mail: seminaaa@yandex.ru

About the author

Anna Semina, postgraduate student, Lomonosov Moscow State University.

E-mail: seminaaa@yandex.ru